

Заключительное слово Л. М. Гатовского

Товарищи! Я должен решительно подчеркнуть, что данный доклад не претендовал на разработку конкретных проблем советской экономики. В нем лишь сделана попытка постановки (разумеется, на основе обобщения реальных фактов) некоторых общеметодологических проблем советского хозяйства.

Прежде чем перейти к ответу оппонентам я попытаюсь развить некоторые тезисы своего доклада. Начну с «экономических законов». Для методологии изучения советской экономики, для понимания экономической политики СССР большое значение имеет вопрос о том, исчезают ли «экономические законы» с исчезновением неорганизованного общества, исчезает ли теоретическая экономия с исчезновением товарно-капиталистического хозяйства. Как известно значительное распространение имели у нас взгляды, разрешавшие этот вопрос в положительном смысле. Точка зрения Гильфердинга о замене в организованном обществе политической экономии, «учением о богатстве» (см., например, «Бем-Баверк как критик Маркса», стр. 69), т. е. по существу технической дисциплиной и сходная точка зрения т. Бухарина, являлись у нас долгое время господствующими. Между тем Энгельс в «Анти-Дюринге», развивая положение о производстве и обмене продуктов, о производственных отношениях, подчеркивал неизбежность специфических закономерностей их движения не только в товарно-капиталистическом обществе. Он подчеркивал необходимость особой теоретической экономии для изучения этих закономерностей.

Ленин, полемизируя с Бухариным (в соответствии с позицией, развитой Энгельсом), в противовес замечанию Бухарина («Экономика переходного периода») о том, что «конец капиталистического общества будет концом и политической экономии» написал в своих заметках на полях «Экономики переходного периода»: «Неверно — даже в чистом коммунизме, хотя бы отношение $I v + m$ к $II c$ и накопление», далее против фразы Бухарина «политическая экономия изучает товарное хозяйство» он пишет: «не только». Таким образом и по Ленину политическая экономия («в широком смысле») изучает и производственные отношения даже «чистого» коммунистического общества, экономика которого является соответствующим объектом (наличие особых экономических законов) для особой теоретической экономической дисциплины. Все это имеет непосредственное отношение к нашим условиям, когда план является руководящим началом в экономике. Согласно т. Бухарину наука о закономерностях организованного общества не может быть теоретической экономией, она должна быть техно-экономической дисциплиной. Утверждая, что «с сокращением, а затем с исчезновением обмена товаров ...исчезает общественное разделение труда, сменяясь его техническим разделе-

нием», т. Бухарин выдвигает в своей статье в газете «За индустриализацию» от 20/III 1930 г. следующее положение: «В капиталистическом обществе... технико-экономический учет проводится в пределах предприятия и именно отсюда выросла особая дисциплина. «Betriebslehre»... У нас эта «Betriebslehre» должна вырасти в общественную науку, вернее в науку, имеющую своим объектом все общество... (разрядка т. Бухарина). Она-то и должна заменить политическую экономию.

В этой науке согласно т. Бухарину: «техника срастается (разрядка т. Бухарина) с «экономикой» в одно неразрывное и нераздельное целое». Итак вопрос поставлен достаточно ясно. Вопреки теории диалектического материализма, техника и экономика «срастаются».

Производственные отношения смешиваются даже не только с производительными силами, но просто с техникой. Вопреки Марксу, Энгельсу, Ленину, подчеркивавшим необходимость изучения специфичности социальной формы, производственных отношений, экономического базиса, а не сведения его к технике, не сведения теоретической экономии к «учению о богатстве», где производственные отношения выступают в натурализованном виде, т. Бухарин для организованного общества в огромной степени допускает такую возможность.

Как далека эта «Betriebslehre», о которой говорит т. Бухарин, от той теоретической экономии, о которой писал т. Ленин, полемизируя с т. Бухариным.

Разве наука, ставящая своей существенной задачей отыскание «технических коэффициентов» и осуществление их «экономического взвешивания» (см. цитированную статью т. Бухарина), может одновременно при этом методологически правильно и плодотворно изучать природу процесса воспроизводства, процесс развития производственных отношений в условиях организованного общества. Ведь закономерности социальной формы не выводятся из этих технических коэффициентов. Конечно любой конкретный народнохозяйственный план исходит и из технических коэффициентов, но это отнюдь не означает, что характер процесса воспроизводства, специфические особенности имущественных отношений, создающие возможность особых темпов роста (при тех же технических коэффициентах), т. е. природа производственных отношений, должны быть свалены в единой теоретической дисциплине «в одну кучу» с техническими выкладками (имеющими конечно огромный теоретический и практический интерес, но требующими особого анализа). Азбукой теории диалектики развития общества (исторический материализм) является выявление историчности развивающейся социальной формы производства, производственных отношений, их движения, зависящего от движения производительных сил, но имеющего свои законы и требующего особой дисциплины для их изучения. Эта историчность производственных отношений не должна быть затуманена всеобщими «организационными принципами», конкретными техническими коэффициентами, конкретными нормами рациональной организации рабочей силы, проблемами рационализации технического разделения труда и т. д. (хотя теоретическая экономия конечно не может не учитывать и этих моментов). Те же технические отношения дают совершенно иной экономический эффект, иной темп развития в зависимости от того, каков основной характер производственных отношений, каково отношение людей к средствам производства.

Разве мы не имеем порой сходства, совпадения в технических коэффициентах, в формах технического разделения труда по сравнению с капиталистическими странами при коренном отличии в производственных отношениях, определяющих иной темп развития.

Далее, разве та теоретическая экономия (экономия, а не Betriebslehre), которая изучает производственные отношения в переходный период, может быть превращена в свод «контрольных цифр» с конкретными планами размещения производительных сил в таком-то году, в таких-то районах? (а эта точка зрения проскальзывала у некоторых из выступавших по моему докладу).

Разве специфические закономерности процесса воспроизводства в организованном обществе, определяющие темпы развития, могут быть отождествлены с нормами технических коэффициентов? Отрицать экономические законы в организованном обществе (а следовательно в огромной степени и в СССР, означает по существу — отрицать и развитие экономического базиса, производственных отношений. Ведь без законов движения (в данном случае экономических законов) нет и самого движения. Мало того, у сторонников этой точки зрения исчезает и самый экономический базис, производственные отношения (вне движения, развития производственные отношения не существуют). Поэтому неудивительно, что некоторые товарищи отрицают наличие производственных отношений в организованном обществе (такую точку зрения не редкость встретить и сейчас). Другие же толкуют производственные отношения в организованном обществе исключительно в смысле технического разделения труда.

Как известно у т. Бухарина мы находим сведение производственных отношений к размещению людей в пространстве (см. например «Теорию исторического материализма», стр. 160).

Отрицание специфических экономических законов в организованном обществе означает по существу отрицание имманентного движения производственных отношений, их движения на основе внутренних противоречий. В организованном обществе согласно этому неправильному взгляду остается лишь противоречие общества с природой. Таким образом теория исторического материализма, изучающая диалектику развития общества, а следовательно и производственных отношений, оказывается неприменимой к коммунизму. Движение общества тогда должно осуществляться не на основе внутренних противоречий (в коммунистическом обществе не будет антагонизма, но останутся противоречия; см. Ленин, XI Лен. сборник), а якобы на основе механического столкновения «среды» — природы и общества — «системы» (Бухарин).

Отвергая «экономические законы» для СССР, мы тем самым затушевываем одну из основных качественных особенностей СССР (выражающуюся в специфичности экономики, классовой структуры). Стирая грань между техникой и экономикой, мы неизбежно приходим к недооценке этого своеобразия СССР (ведь не в особой же технике ее своеобразии), т. е. тем самым и источника соответствующих темпов роста, а также к затушевыванию классовых противоречий в СССР. Все это неизбежно отходит на задний план даже лишь при недостаточном внимании к закономерностям движения экономики СССР, тем более при искусственном (крайне неплодотворном для исследований и приводящем к неверным политическим установкам) «сращивании» их с «техническими» закономерностями. Таков уклон в «технизм», механистический уклон, вытекающий из недооценки «экономических законов» для СССР.

«Технизм», связанный с отрицанием экономических законов в плановом хозяйстве, находится в теснейшем родстве с известной концепцией «закона трудовых затрат» т. Бухарина, составлявшей основу его взглядов на советскую экономику.

Родство двух схем прямо бросается в глаза.

В самом деле, с одной стороны: «закон трудовых затрат» с внеисторическим «материально-трудовым» содержанием, «надевающий» на себя, «как платье», ценностную иррациональную форму или оболочку в неорганизованном обществе, и «сбрасывающий» эту форму, выступая в «голом виде» в организованном обществе.

С другой стороны, материально-технический процесс (аналогия с внеисторическим «материально-трудовым» содержанием «закона трудовых затрат»), имеющий в неорганизованном обществе «стихийную» социальную форму в виде экономических законов (аналогия с ценностной оболочкой), затем сбрасывающий эту форму, выступая в «голом» виде (аналогия с «голым» «законом трудовых затрат»). Оставим сейчас методологическую критику этих концепций (в отношении механистического отрыва формы и содержания, «голых» «безформенных» законов и т. д., и т. д.).

Сейчас нас интересует несомненное родство этих двух концепций т. Бухарина. Здесь не чисто формальное сходство, а в значительной мере единство в их сущности, именно в затушевывании роли социальной формы производства, составляющей экономический базис общества. Эта историческая социальная форма является у т. Бухарина настолько пассивным «внешним» моментом для материально-технического процесса, что она может сбрасываться; в результате материально-трудовое содержание мыслится как внеисторическое и «универсальный закон равновесия» празднует победу.

Оппортунистичность этого технизма, в частности концепции «закона трудовых затрат», в применении к советской экономике заключается в основном в сведении процесса воспроизводства в СССР к вечному внеисторическому железному, универсальному закону равновесия. Благодаря этому, во-первых, изменение социальной формы, «перерастание стихии в план», трактуется лишь как смена поверхностных «внешних» форм, как «организационный процесс», «организационный» охват «носителей» «стихийных» тенденций. Этот организационный процесс является таким образом мирным, а не революционным. В стихийной форме затушевывается классовое содержание капиталистических тенденций, а потому трансформация рыночной формы мыслится вне обостренной классовой борьбы, вне глубоких структурных сдвигов, вне выкорчевывания корней капитализма, вне ломки капиталистических тенденций, вне радикальных сдвигов в пропорциях. Во-вторых, поскольку социальная форма по существу оказывается вне действительного механизма процесса воспроизводства, вне «закона трудовых затрат», составляющего материально-трудовое содержание закона ценности¹, постольку содержание процесса воспроизводства в товарном хозяйстве объявляется «железным» законом равновесия для СССР. Отсюда и роль плана, якобы осуществляющего на основе «железного» закона равновесия пропорции в распределении труда, возникающие автоматически гетерогенным путем, путем автоматического взаимоприспособления различных элементов нашего хо-

¹ Согласно т. Бухарину, мы якобы боремся лишь со «стихийной» формой закона ценности, а не с этим содержанием. Мы знаем однако, что если сохраняется это содержание, то наш план превращается лишь в ширму для закона стоимости, в план-прогноз, «предвосхищающий» «стоимостные» пропорции.

заяства. Отсюда конечно и «качество» пропорций и переоценка роли рыночного баланса.

Универсальный «закон равновесия» приводит логически к теории «узких мест», отсюда и теория «самотека», автоматического вращения в социализм, теория «равновесия секторов» (все это конечно связано с соответствующей трактовкой нэп, кооперативного плана, новых форм смычки, индустриализации, коллективизации, политики в отношении капиталистических элементов).

Эта теория «равновесия» внутри хозяйства СССР, равновесия, производного от «равновесия между обществом и природой», т. е. материального «баланса между обществом и природой» приводит к выхолащиванию классового содержания нашего плана, отсюда шаг к лозунгу «развития производительных сил» вне зависимости от социальной формы.

Оценка производственных отношений в СССР, как автоматически приспособляющихся к материально-техническому процессу, к «уровню производительных сил», нашла свою особенно резкую критику в статье т. Ленина о книге Суханова. Для возникновения соответственных производственных отношений в СССР соответствующей «надстройке» требовался соответствующий уровень производительных сил, который сделал бы возможным процесс построения социализма. Ленин писал на полях «Экономики переходного периода» (XI Ленинский сборник, стр. 397): «без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло». Однако переход к социализму не начинается автоматически в странах с наиболее высоким уровнем производительных сил.

Меньшевистская установка по вопросу о характере революции в СССР и о невозможности построения социализма в СССР — именно исходит из невозможности активного обратного воздействия производственных отношений на производительные силы в условиях СССР (особая роль обратного влияния «надстройки» на экономический базис и через него на производительные силы).

В чем корень этих ошибочных установок? В недооценке специфических особенностей социально-экономической структуры СССР. (Затушевывание директивной роли плана пролетарской диктатуры, его ведущей роли). Характер пропорциональности, который имел место в товарнокапиталистическом обществе, в наших условиях уже иной. (Не автоматически устанавливающийся баланс, а плановое движение в условиях активного установления иных пропорций, иного темпа, иная роль «рыночного баланса», иные возможности и потребности, наличие плановых рычагов, порождающих конечно не «произвольно» свои пропорции вопреки стихии, обезвреживающих отсутствие «рыночного баланса», создающих возможность быстрого темпа расширенного воспроизводства в условиях «напряженностей» и т. д.).

План, осуществляющий эти пропорции, не представляет собой пассивного рефлекса материально-технического процесса, его «вечных» материально-трудовых пропорций, как это логически вытекает из отрицания специфических экономических законов в СССР.

Недооценка экономических законов в СССР, утверждение, что по мере роста планового начала экономика сливается с техникой, ведет к отрыву пропорций в распределении труда от специфического движения советского хозяйства, от процесса построения социализма. Таким образом в основе этих пропорций оказывается внеисториче-

ский «закон равновесия», пассивное приспособление к наличным производительным силам. Таковы некоторые основные черты «механистического» уклона в применении к теории советского хозяйства.

Борьба на два «фронта» — и против механистического «технизма» и против идеалистического уклона — требует сосредоточения внимания и на втором.

Недооценка экономических законов в СССР, составляя основу механистического уклона (сведение экономики к технике, затушевывание специфичности экономики СССР), вместе с тем, может явиться предпосылкой и для идеалистического.

Если для первого характерен отрыв пропорций от движения системы, подчинение этих пропорций «внеисторическим» законам материально-технического равновесия, т. е. придание экономической необходимости СССР «фаталистического» (для условий СССР) характера, то для второго характерен отрыв движения хозяйства от определенных экономических пропорций, затушевывание экономической необходимости в СССР (индетерминизм, голая телеология).

Нужно отвергнуть как недооценку специфической динамичности хозяйства СССР (движение к социализму), так и отрицание наличия в переходный период в СССР специфической экономической формации со своей системой законов. Известно, что в споре с т. Преображенским кое-кто договорился до отрицания причинности в хозяйстве СССР.

Некоторые утверждают, что так как экономические законы якобы отсутствуют у нас, то незаконно ставить вопрос о балансе, о пропорциональности. Здесь смешивается пропорциональность хозяйственного развития с ее специфической капиталистической формой — отпадение последней не лишает процесса воспроизводства в СССР особых закономерностей. Построение социализма немыслимо вне определенных пропорций в отношении обобществления, индустриализации, народного дохода. Эти пропорции неотделимы от движения всей системы. Они выражают определенную закономерность этого движения.

Если для механистического уклона характерно забвение диалектики развития производственных отношений, их активной (хотя и производной) роли в отношении производительных сил, то для идеалистического — характерно забвение материалистичности производственных отношений и их зависимости от производительных сил. Социальная форма, процесс обобществления рассматриваются вне зависимости от развития производительных сил. Упускается из виду ведущая роль индустриализации, «получающей» быстрые темпы от развивающейся социальной формы, но являющейся ведущим началом, непременным условием ее победы и закрепления.

Идеалистический уклон в теории советского хозяйства (привнося моменты голой «телеологии», произвольности в планировании, индетерминизма) упускает из виду роль индустриализации, в частности особую роль электрификации в построении социализма (немыслимого без электрификации), роль энергетического звена, роль комбинатов, как пути проникновения обобществления в технику.

Не смешивая технику и экономику, не сводя производственных отношений к производительным силам, помня об активной роли первых, не следует упускать производности их от последних и единства тех и других в процессе воспроизводства, что не мешает при помощи абстрактного метода разделять изучать обе стороны этого единства, однако не упуская при этом из виду взаимосвязи.

Отрыв обмена от производства в условиях СССР есть также проявление этого идеалистического уклона. Переоценка роли обращения в капиталистических условиях связана с гильфердинговско-реннеровскими оппортунистическими построениями (социализация через кредит, через обращение и т. д.). Логические выводы из ошибочных положений И. И. Рубина о роли обмена приводят в условиях СССР к иллюзиям о построении социализма через охват обращения (концепция правого уклона, питающегося и механистическими установками), о возможности социалистического продуктообмена без социалистической реконструкции производства и т. д.

Движение социальной формы (обобществление) мыслится вне достаточной связи с социалистической реконструкцией производства и вне необходимой для этого технической его реконструкции.

Своеобразие экономических законов в СССР заключается в том, что, являясь законами движения экономики к социализму, они в основном одновременно являются и законами построения социализма.

Со смертью товарнокапиталистической системы экономические законы не умирают, меняется характер их, меняется содержание и форма: они не носят уже «стихийного характера».

«Стихийные» экономические законы являются «внешними», неосознанными для производителей товарного хозяйства, поскольку эти законы не могут быть познаны коллективным сознанием, коллективом производителей как организованным коллективом.

Действенность познания экономических законов (т. е. устранение товарного фетишизма, объективной зависимости производителей от «слепых» экономических законов) достигается лишь при соответствующей организованности производителей.

Эта организованность означает коренной переворот в характере экономических законов. Дело следовательно не в том, что одни и те же экономические законы фигурируют при капитализме и в плановом хозяйстве, и что вся разница лишь в том, что в первом случае они не могут быть познанными, а во втором случае — эти же самые законы познаются. Познание является действительным. Следовательно здесь требуется наличие планового регулирования хозяйства, т. е. устранение закона стоимости как «регулятора», т. е. революционный сдвиг в классовых отношениях, в экономической структуре, замена «абстрактного труда» планомерно организованным трудом. Таким образом в плановом хозяйстве уже качественно иные экономические законы (но все же экономические законы).

В СССР в условиях планового руководства хозяйством экономические законы «стихийного» характера уже не регулируют движения народного хозяйства; возникают «познанные» (под познанием понимается действенное познание) — экономические законы.

Народнохозяйственный план пролетарской диктатуры (речь идет не только о плановой форме, о плановом механизме, но и о содержании плана в действии) и является основным экономическим законом этого движения.

Народнохозяйственный план не произволен. Свобода есть как известно лишь «познанная необходимость». Сама возможность планового регулирования обусловлена соответствующей социально-экономической структурой. Само плановое руководство немислимо без соответствующего темпа обобществления и индустриализации. В этом проявляется экономическая необходимость. Необходи-

мость определенной (особой) пропорциональности лежит в основе народнохозяйственного плана. Маркс в известном письме к Анненкову писал... «производительные силы—это результат практической энергии людей, но сама эта энергия ограничена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существующей раньше...».

Пролетарская диктатура исходит в своем планировании из состояния производительных сил и из социально-экономической структуры. Но план пролетарской диктатуры не пассивно приспосабливается к данному уровню производительных сил, к данной социальной структуре. Познавая законы движения их (как законы их последующего изменения), пролетариат, как господствующий класс, добывается (в процессе борьбы) «свободы», планомерно распределяя производительные силы, планируя социальные процессы. Законы движения совпадают в основном с законами построения социализма. Таким образом в условиях СССР речь идет не только об осознании имевших место закономерностей (это также необходимо), но и о прогнозе необходимых условий для достижения определенных результатов (в этом заключается закономерность, научность построения социализма). На этом прогнозе (прогнозе не для пассивного приспособления к стихийным тенденциям, а прогнозе эффективности плановых маневров) основывается конструктивное, директивное планирование. Ошибочность огромного большинства неленинских концепций в отношении советской экономики заключается именно в непонимании этой специфики экономических законов в СССР.

Признавая наличие экономических законов, таким образом, мы отрицаем голую «телеологию» в планировании, признаем его причинную обусловленность.

Марксистско-ленинская установка в нашем планировании не может отрицать причинной зависимости в планировании, обусловленность нашей целеустремленности в плане объективными обстоятельствами. Однако в противоположность буржуазным экономистам эта установка исходит из революционной, активной роли организованного в господствующий класс пролетариата — этой важнейшей производительной силы (что открывает величайшие возможности для плана) и рассматривает план не как пассивное приспособление к стихийным тенденциям, а как план построения социализма вопреки стихии.

Мы подчеркивали, что у тов. Преображенского экономические законы в СССР оторваны от экономической политики, а потому они по существу являются «стихийными».

Итак в условиях СССР в основном мы имеем уже «познание экономической необходимости» (плановое руководство хозяйством). Однако здесь следует отметить значительные отличия качества и эффективности этого «познания» в условиях СССР по сравнению с социалистическим обществом. При социализме «познание» охватывает весь трудовой коллектив, а в СССР — пролетариат, как господствующий класс; в СССР это «познание» является неполным, т. к. непознанная необходимость в виде «стихийных» прорывов дает еще себя чувствовать. Наконец в самом плане имеет место «учет» стихийных тенденций, означающий подчинение их, но не уничтожение. Последнее говорит еще о том, что действительно познание (как плановое руководство хозяйственным процессом) еще не охватывает всех процессов народного хозяйства в противоположность социализму (хотя лежит уже в основе движения общества). Поэтому-то можно утвер-

ждать в наших условиях о познании экономической необходимости лишь «в основном», помня при этом об относительно низком еще качестве этого познания.

Специфичность экономических законов в СССР выражается в том, что они, являясь объективно обусловленными, вместе с тем выражают организованную волю пролетарской диктатуры. Оба эти момента естественно составляют единство, в котором эта «воля» является производным моментом.

Отрицание обусловленности организованной воли пролетариата экономическим базисом означает отрицание применимости теории исторического материализма к условиям планового хозяйства. Однако одна лишь констатация этой обусловленности недостаточна. Необходимо подчеркнуть специфичность роли субъективного момента в СССР в его обратном воздействии на экономический базис, его организующей роли, а отсюда — новых специфических потребностей и возможностей для развития экономического базиса в СССР. Как отмечалось выше, для ряда антиденинских установок характерно отрицание в той или иной степени этой специфичн. экономич. законов в СССР и механистическое перенесение категорий товарно-капиталистического хозяйства в условиях СССР. Эта роль «общественного сознания» при примате общественного бытия возможна лишь потому, что субъект производства, пролетариат, как ведущее начало, как господствующий класс является основной производительной силой.

Таким образом двойственность (в единстве) народнохозяйственного плана как экономического закона движения СССР заключается в том, что он представляет собой и сущность основного производственного отношения и вместе с тем организованную волю пролетарской диктатуры.

Я хотел бы резко подчеркнуть, что, говоря о плановом руководстве хозяйством, я имею в виду не план в виде зафиксированной в книжке плановой наметки, а планирование, организованное в действие пролетарской диктатуры на народное хозяйство в определенном социальном направлении. Следовательно как особая форма производственной связи народнохозяйственный план в условиях СССР является экономической категорией с определенным социальным содержанием и с определенной формой (вернее, со множественностью форм, «рычагов»). Об этом я подробно говорил в докладе, ссылаясь на тезисы. Народнохозяйственный план — объективная категория, неотделимая от развития производственных отношений в СССР. Если в основном обеспечивается движение хозяйства СССР в определенном направлении в соответствии с планом — план становится производственным отношением. План тогда не представляет чего-то внешнего для якобы саморазвивающихся вне плана производственных отношений. Он не является чем-то привходящим и приносящим свои поправки к экономическим законам, действующим в основном помимо него и вне его. Экономические законы коренным образом меняются, превращаясь из «стихийных» в «познанные», производственные отношения принимают характер организованности, а плановое руководство становится неотделимым от производственных отношений.

Поэтому мы категорически отвергаем «формальную» концепцию плана, трактовку плана не как объективного производственного отношения, а только как сформулированную сверстанную наметку планирующего органа.

Не следует смешивать плана в действии, как особого производственного отношения, с зафиксированным («в виде книжки») тем или иным конкретным планом. Из того факта, что тот или иной написанный план (например «контрольные цифры» определенного года) будет недовыполнен или перевыполнен, отнюдь не следует, что исчезнет то специфическое качество производственного отношения в СССР, заключающееся в активном воздействии пролетариата на все народное хозяйство (процесс переделки мелкотоварного сектора, вытеснения, а затем и ликвидации капитализма и т. д.).

Поэтому-то и не следует характер производственных отношений в СССР ставить в зависимость от года выхода «контрольных цифр».

Если в отличие от монополистического капитализма с господством закона стоимости, когда частнохозяйственный принцип пронизывает хозяйственную жизнь — в условиях СССР даже в восстановительный период при отсутствии сводного единого хозяйственного плана народнохозяйственная концепция объективно лежала в основе распределения ресурсов (хотя бы она осуществлялась через индивидуальные стимулы), если принцип хозяйственного развития деревни, особая государственная помощь кооперации и развертывание планового строительства, электрификации, развитие нерентабельных с коммерческой точки зрения, но важных с народнохозяйственной — отраслей имела место, то мы не можем говорить о «стихийности» хозяйственного развития, о неорганизованности производственных отношений в СССР, о том, что планы вносят лишь известные коррективы в хозяйство, воспроизводящееся автоматическим путем.

В плане следует различать два момента:

1. Теоретический анализ, намечающий цель предпосылки, условия планирования; выработку конкретных директив на основе этого анализа, на основе прогноза эффективности плановых маневров, установление закономерностей этих директив.

2. Осуществление этих директив, заключающееся в их передаче, передвижке денежных и материальных ресурсов, в использовании системы рычагов воздействия на народное хозяйство (здесь план — есть форма производственной связи, производственное отношение).

Обычно термин «план» употребляют в первом смысле; с этим термином ассоциируется именно такое представление. Говоря о плане, имеют обычно в виду конкретно сформулированную плановую наметку на определенный отрезок времени, выраженную в определенных цифровых величинах. Количественные показатели конкретного плана (плановые наметки) иногда затушевывают качество плана, как производственного отношения (конечно выражающегося в определенных количественных пропорциях). Активная социальная роль плана в действии, как определенного типа производственных отношений (в частности организующая его роль в отношении необобщенного сектора), остается при этом в тени.

* * *

Переходя к прениям, должен с сожалением констатировать, что почти все оппоненты обошли ряд центральных вопросов доклада, иногда просто ограничиваясь голой констатацией своего согласия с докладчиком. К этим вопросам относятся: попытка моистической критики различных теорий советского хозяйства, проблема плана как производственного отношения, основы методологии изучения советского хозяйства, вопросы систематизации плановых дисциплин.

Прения заставляют меня уделить большее внимание проблеме плана в восстановительный период нэпа, так как на этот вопрос обратили особое внимание почти все выступавшие. Дать исчерпывающий ответ на этот вопрос может лишь работа коллектива после тщательного анализа процесса воспроизводства на прошлых этапах нэпа. Такой работы до сих пор нет.

Вопрос о наличии или отсутствии планового «регулятора» в восстановительный период нэпа отнюдь не является для меня центральным ни в докладе, ни в статье. (Поставленные методологические проблемы особенно ведь актуальны на нынешнем этапе).

Могло ли иметь место, спрашивают некоторые оппоненты, плановое руководство хозяйством в начале нэпа, в то время как «контрольные цифры» появились лишь в 1925 г. Разве не наивностью было бы определять характер наших производственных отношений годом выхода контрольных цифр?

Если же говорить о писанных, формулированных планах действия, то разве пролетарская диктатура вовсе не располагала им. Разве «Коммунистический манифест», разве экономическая программа партии не являются планом преобразования социальных отношений, планом пролетарского руководства хозяйством? Разве кооперативный план Ленина не является таким планом?

Еще в 1920 г. Ленин писал: «Мы, говоря о восстановлении земледелия, промышленности и транспорта, об их гармоничном соединении, не можем не говорить о широком хозяйственном плане». Этот план «каждый день в каждой мастерской, в каждой волости будет улучшаться, разрабатываться, совершенствоваться и видоизменяться». Таким образом принципы общехозяйственного плана по Ленину проникают во всю работу по восстановлению хозяйства¹.

Ленин еще в 1922 г. пишет, что «политической власти (в руках пролетариата.—Л. Г.)... совершенно достаточно... экономической силы в руках пролетарского государства России совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму» (т. XVIII, ч. 2-я).

В статье «О кооперации», говоря о власти пролетарского государства «на все крупные средства производства», о наличии руководства пролетариата в союзе с крестьянством, он подчеркивает наличие «всего необходимого для построения полного социалистического общества».

Вместе с тем т. Ленин писал: «пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить»².

Тов. Сталин неоднократно подчеркивал эту мысль Ленина (на ноябрьском пленуме ЦК в 1928 г., в речи на конференции аграрников), отмечая, что стихийно мелкотоварное хозяйство вне планового воздействия пролетариата не сможет идти к социализму. Критикуя теорию «самотека» «вращения» в социализм, т. Сталин подчеркивает необходимость планового развития социалистических форм, планового руководства движением частного сектора.

Если, с одной стороны, мы исходим из того, что при движении «самотеком» по теории «равновесия секторов» частный сектор пошел бы по капиталистическому пути, а между тем восстановительный период дал социалистическую индустриализацию, процесс обобществления, укрепление социализма, дал в основном некапиталистический

¹ Собр. сочинений, т. XVII. Доклад на VIII Съезде советов.

² Там же.

путь деревне, то как это могло произойти без планового руководства хозяйством, как это «более прочная база» для капитализма не стала превращаться в реальность?

Ленин подчеркивал: «Свобода торговли значит — назад к капитализму», поэтому он воздвигает лозунг свободы торговли «до известной степени».

Задача в том, чтобы «двинуть весь наш аппарат (разрядка наша.—Л. Г.), все наши теоретические силы, весь наш практический опыт» и добиться победы.

Как формулировал Ленин задачу разрешения проблемы «кто кого»? — «организуем ли мы мелкое крестьянство». Здесь проблема активного планового воздействия, организации!

Разве кооперация не осуществляла этой организующей роли, разве не в этом же смысле действовали плановые рычаги пролетарской диктатуры?

Ленин подчеркивает специфические условия пролетарского государства, при которых «простой рост кооперации означал рост социализма». Разве это не свидетельство о плановом руководстве хозяйством. «Мы имеем в своих руках все командные высоты, мы имеем в своих руках землю... Это очень важно». Он подчеркивал, как при помощи целой системы мер поддерживается кооперация, «новый принцип организации населения». Он подчеркивает наличие специальной, планомерно оказываемой помощи тяжелой индустрии.

При отсутствии писаного сводного народнохозяйственного плана осуществлялась на разных участках хозяйства социалистическая индустриализация, осуществлялось социалистическое накопление. Восстановительный период дал в своем итоге продвижение всего хозяйства по пути к социализму. Это продвижение осуществлялось под руководством пролетариата (пролетарская гегемония в рабоче-крестьянском блоке), причем авангардом пролетариата выступала марксистско-ленинская партия, вооруженная научным планом построения социализма. XV конференция ВКП(б), подводя итог восстановительному периоду, могла сформулировать: «под руководством ВКП(б) (разрядка наша.—Л. Г.) завершена в общем и целом огромная работа по восстановлению народного хозяйства». Все это говорит за то, что и в восстановительный период мы имеем плановое руководство хозяйством, а не «равновесие секторов», которые подобно ящикам «лежат на различных рельсах» и катятся параллельно друг другу (Сталин), не стихийное вращение в социализм.

Тов. Сталин подчеркивает, что «нэп вовсе не означает полной свободы торговли, свободной игры цен на рынке. Нэп есть свобода торговли в известных пределах, в известных рамках при обеспечении регулирующей роли государства и его роли на рынке»...

«Теория «самотека» в социалистическом строительстве есть теория антимакистская», говорит т. Сталин: «социалистический город должен вести за собой мелкокрестьянскую деревню».

Какие предпосылки, какие моменты обуславливали, отображали плановое руководство хозяйством в восстановительный период? Наличие пролетарской диктатуры, требующей планового руководства в строительстве социализма, наличие «командных высот» в руках пролетариата, особая роль «монополии внешней торговли», осуществление рабоче-крестьянского блока под руководством пролетариата (специфическое положение основных масс деревни в условиях пролетарской диктатуры), система мер, ограничивающих частный капитал.

В восстановительный период мы имели народнохозяйственное планирование крупного строительства. Роль осуществления плана ГОЭЛРО в народном хозяйстве, его влияние на разные отраслевые планы у нас безусловно недооценивают, между тем как анализ документов, относящихся к началу нэпа, говорит о громадной роли плана ГОЭЛРО, которая часто не выступала на поверхности явлений.

Разве работа по выполнению «плана ГОЭЛРО» в восстановительный период не является одним из показателей «народнохозяйственного принципа»? В восстановительный период быстро развертывался (непрерывность значительного роста) процесс индустриализации, которая не могла бы осуществляться при существовавшей рыночной конъюнктуре без планового руководства хозяйством; «аграризация» была бы тогда неизбежной. Быстрый подъем тяжелой индустрии, носивший плановый характер, развертывание убыточных отраслей и предприятий являются показателем роли планирования.

Уже в восстановительный период быстрым темпом проходил процесс обобществления (социалистическое наступление); быстрым темпом осуществлялся «кооперативный план Ленина»; широко развертывалась особая государственная помощь кооперации.

Восстановительный период дал в основном некапиталистический путь развития деревни. Разве это было мы мыслимо без организующей роли пролетарского плана?

В восстановительный период мы имели разрешительную систему организации предприятий, отсутствие свободы перелива капиталов, изъятие крайне существенных объектов из оборота, мы имели существенные ограничения «свободы торговли», планирование цен (особенно после денежной реформы, когда осуществлялось плановое снижение цен), планирование распределения промтоваров.

Немалую сдерживающую в отношении активизации капиталистических элементов роль сыграл тот факт, что ряд оставшихся от периода «военного коммунизма» препятствий к развертыванию торгового оборота в деревне был снят лишь к концу восстановительного периода (1925 г.) незадолго до перехода к форсированному социалистическому наступлению в деревне (1926/27 г.). Хлебная кампания 1926/27 г. проходила в условиях значительного ограничения частного торгового-посреднического хлебного оборота.

Политика финансовых изъятий и ассигнований, особая роль бюджета и кредита, политика распределения народного дохода, накопления, динамика заработной платы свидетельствуют о соответствующей значительной роли плана в распределении ресурсов в восстановительный период.

Все вышесказанное говорит в пользу того, что и при отсутствии на протяжении почти всего восстановительного периода писанного единого хозяйственного плана все же осуществлялся пролетарским государством народнохозяйственный, а не частнохозяйственный принцип в распределении ресурсов. Следует далее помнить, что в начале восстановительного периода действовали, выполнялись и перевыполнялись отраслевые планы. Восстановительный период нэпа разумеется дал восстановление заглушенных «военным коммунизмом» стихийных тенденций, игравших огромную роль в то время (и играющих значительную, правда уже заметно меньшую роль и сейчас), но вопрос заключается не в этом, а в соответствии, с чем (пролетарским планом или капиталистической стихией) в основном развивалось народное хозяйство? За кем была гегемония? За планом или за стихией? Иными словами, регулировалось ли движение хозяйства

СССР в восстановительный период законом стоимости, хотя бы в модифицированном виде? На этот вопрос следует ответить отрицательно.

Тов. Слуцкина да и некоторые другие товарищи этим не удовлетворены. Они не могут согласиться с фактом планового руководства хозяйством уже в восстановительный период. Тогда позволительно спросить их, на основе какого «регулятора» происходило это развитие? Тов. Слуцкина согласна с тем, что решающий скачок произошел в процессе октябрьского переворота. Но разве это не означает, что возникла новая система воспроизводства. Она правильно утверждает далее, что системы двух регуляторов в восстановительный период также не могло быть, равно как и внеисторического «закона трудовых затрат», как регулятора хозяйства. Но признание наличия «решающего скачка» означает отрицание и старого «стоимостного регулятора».

Стихийные капиталистические тенденции отнюдь не исчезают в переходный период, но они даже в восстановительный период не определили путей развития народного хозяйства или хотя бы частного сектора. Тенденции не переросли благодаря политике пролетарской диктатуры в «регулятор».

Единство процесса воспроизводства существовало (не было двух регуляторов, двух самостоятельных кругов воспроизводства) и оно (дававшее движение к социализму) могло быть осуществлено новыми руководством. «Регулятор» процесса воспроизводства не может быть «лоскутным», «мозаичным». Монизм здесь является азбукой марксистской методологии.

Попробуйте отбросить директивную роль плана пролетарской диктатуры, и у вас неизбежно получится «равновесие секторов», либо движение всего частного сектора к капитализму либо его стихийное «врастание» в социализм.

Если тов. Слуцкина, как и большинство оппонентов, согласна с тем, что непримиримая классовая враждебность плана и стихии лежит в основе советской экономики, то можно ли и план и стихию «гармонически» объединить под одним колпаком? Одно начало должно господствовать, подчинить другое, в противном случае приходится либо стать на позицию «двух регуляторов», либо признать стоимость регулятором, либо наконец отрицать основное ленинское положение о непримиримой враждебности этих двух начал.

Есть конечно еще один выход в эклектике, которой некоторые оппоненты не избежали.

Эклектики отбрасывают основное звено, основную тенденцию, заменяя их механистическим (а не диалектическим) объединением разных «факторов», «сторон» и т. д.

Такой попыткой механистического объединения была столь решительно отвергнутая теория «двуединого регулятора», по существу являвшаяся стыдливо прикрытой теорией двух регуляторов.

Монизм процесса воспроизводства там отбрасывался, заменяясь борьбой различных товаропроизводителей. План выступал не как народнохозяйственный, а как одна из «воль», образующих равнодействующую.

Необходимо твердо усвоить следующее:

1. Что план (план в действии, плановое воздействие пролетарской диктатуры, социалистического сектора на все народное хозяйство) — это особый тип производственного отношения.

2. Что этот план осуществляется путем борьбы с враждебной тенденцией, постоянно включая, подавляя и подчиняя ее. Эти тенденции вносят соответствующие поправки, не срывая основного пути (при правильной политике).

3. Что, говоря о главном движении, о господствующем отношении, мы можем исходить из планового руководства всем хозяйством, так как «регулятор» (как общественная категория) определяет основной путь движения всего хозяйства или важнейшей отрасли.

4. Что не следует смешивать «интересов» мелких товаропроизводителей в условиях СССР с господством закона стоимости в частном секторе, которое означало бы наличие капиталистического пути развития деревни.

5. Не следует смешивать план, как объективное производственное отношение с субъективной оценкой своих стимулов к производству со стороны производителей.

6. «Рынок», «цена», «деньги» являются в СССР в основном не моментами, противостоящими плану как выражение «стихийного регулятора», а представляют собой рычаги народнохозяйственного плана, переживая трансформацию одновременно с трансформацией плана.

7. Что следует отказаться от механической постановки вопроса: либо отсутствие единого планового руководства, либо «чистый» безраздельно господствующий план. Наш план еще включает стихийные тенденции, однако определяя движение хозяйства к социализму. Это движение неотделимо от трансформации самого плана.

8. Господство закона стоимости, стоимостных пропорций в условиях СССР означает срыв политики индустриализации и обобществления и капиталистическую деградацию.

9. У нас стоимость (в отличие от монополистического капитализма) и в модифицированном виде не может регулировать хозяйство. Всякая модификация стоимости оставляет еще стихийную систему (количество не переходит в качество).

10. Отрицая господство планового начала в СССР — мы в виду наличия двух противоположных тенденций в СССР — плановой и стихийной — должны будем стать на позиции механистической «теории равновесия».

Вместо единства противоположностей (на основе планового руководства) получится наличие двух авторитарных сил, либо находящихся в резкой «враждебной» друг к другу («два регулятора» Преображенского) либо мирно уживающихся («теория равновесия секторов», установки правых).

В связи со всем вышесказанным я бы хотел остановиться на одной ошибке тов. Слуцкиной, обнаруживающей, как мне кажется, противоречивость ее позиции.

Она утверждает, что в основе моей позиции лежит положение, что общие рамки развития в нашей стране заранее даны строем пролетарской диктатуры (что по ее мнению может привести к Бухаринской теории «врастания»).

Поэтому у меня «регулятором» может быть только основное производственное отношение.

Прежде всего, как мыслит тов. Слуцкина «регулятор» вне основного производственного отношения, т. е. вне основного движения хозяйства?

Не придем ли мы тогда к концепции регулятора, как равновесия (опять Бухарин, тов. Слуцкина!), и к формальной внеклассовой трактовке «регулятора» (снова Бухарин).

Если под строем пролетарской диктатуры понимать и экономический строй, и командные высоты и притом исходить из наличия правильной, ленинской экономической политики, то разве у нас не дано развитие к социализму, разве эти «общие рамки» не даны? А как же теория построения социализма? Как же быть с ленинским положением: «все необходимое для построения его». Как быть с установками XIV съезда и XV конференции в борьбе с троцкизмом? Конечно, если мы отбросим закономерность построения социализма как закон движения хозяйства, тогда у нас немыслимо «единое плановое руководство», но ведь мы с вами, тов. Слуцкина, это не считаем и мы как-будто не должны отрывать «регулятора» от движения хозяйства. Не следует смешивать двух моментов: теории построения социализма в СССР (при условии правильной классовой политики постоянного преодоления стихии) и теории о возможности построить социализм при помощи кулачества. Ведь это элементарно, тов. Слуцкина, что социализм не придет фаталистически при любой политике, но, с другой стороны, трактовка проблемы «кто кого»? троцкистами была неправильной, так как гегемония и победа социализма из нее не вытекали.

План утверждает свое господство в борьбе со стихийными тенденциями. Эти тенденции могут перерасти при соответствующих условиях в «регулятор», регулировать по своему процесс воспроизводства¹. Был момент, когда это произошло.

«Кризис» 1923 г., вызванный и субъективными моментами, был ярким примером того, что план не «фатально» руководит хозяйством.

Решительный нажим плана (денежная реформа, товарная интервенция, снижение цен и т. д.), действовавшего не по частнохозяйственным, а по народнохозяйственному принципу, быстро восстановил положение.

Или возьмем наше денежное обращение. При «инфляционной» политике мы можем вызвать такие пертурбации в распределении денег в стране в системе цен, в распределении дохода, ресурсов, что «стихия» может, «срегульнув», сорвать наши темпы индустриализации и обобществления.

Означает ли эта возможность тот факт, что план не является в наших условиях господствующим началом. Конечно нет, она означает, что наш план не план социалистического общества, где движение трудящихся и чеков непосредственно прикреплено к натуральным благам и не может вызвать стихийного перераспределения ресурсов. Наш план действует в переходном хозяйстве при наличии частного сектора и отсутствии повсеместного непосредственного управления хозяйством (причем роль частного сектора, роль непосредственного управления и косвенного регулирования конечно значительно меняются на различных этапах). Отсюда наличие «всеобщего покупательского средства», движение которого не прикреплено к движению материальных ресурсов — отсюда возможность инфляции (это достаточно сознают некоторые товарищи, переоценивающие роль плана на нынешнем этапе и придающие ему несколько фаталистический характер).

¹ Смешением стихийного «регулятора» и стихийных тенденций, не переросших в «регулятор», отчасти грешит тов. Рагольский.

Весь переходный период от капитализма к социализму есть период «революционного скачка», который длится десятки лет. Однако в пределах этого «скачка» имеются в свою очередь качественные сдвиги, «скачки». Решающим, основным скачком является однако самый переход к советской системе, складующий начало новой системе воспроизводства. Этот «скачок» означает революционный переворот. Далее от начала нэпа в процессе развертывания этой революции вплоть до социализма (переход к социализму есть также скачок, но не носящий конечно характера классового революционного переворота) мы имеем ряд качественных сдвигов—скачков не только при переходе к нэпу, но и в пределах самого нэпа, но эти «скачки» в пределах нэпа означают сдвиги в границах той же «хозяйственной системы» пролетарской диктатуры, действующей при наличии мелкоотварного и капиталистического сектора. Затухивание этих сдвигов лежит в основе оппортунистических теорий.

В своем докладе и статье я резко подчеркивал, что характер плана, система рычагов, формы взаимоотношения со стихией, роль стихии меняются на различных этапах, что здесь — качественные сдвиги. Реконструктивный период отличается от восстановительного глубокими социально-классовыми сдвигами. Резкий поворот мы имеем на «новом этапе». Обвинение тов. Слуцкиной в том, что у меня получается однородный процесс, начиная с 1921 г., кажется мне направленным не по адресу.

Итак должны ли мы стать на позиции «теории этапов», утверждающей, что пожалуй установки Преображенского, Смилги, Юровского по вопросу о регуляторе были правильными для восстановительного периода. Безусловно нет. Мы знаем, что в восстановительный период нэпа уже резко выявились концепции, исходившие из своеобразной трактовки нэпа, природы советского хозяйства, с определенными политическими выводами. Разве мыслимо ставить в отношении к этим теориям «китайскую стену» между восстановительным и реконструктивным периодом?

В этом отношении мне кажется ошибочной позиция тов. Козлова (см. его интересную содержательную статью в «Плановом хозяйстве» № 8 за 1929 г.).

Тов. Козлов утверждает, что «старую формулу о том, как из стоимости рождается капитал, история дополняет другой — как из стоимости рождается план».

Согласно тов. Козлову в восстановительный период в начале его господствовал закон стоимости непосредственно, а затем к концу восстановительного периода план в основном лишь предвосхищал стоимостные закономерности.

Как утверждает т. Козлов «раньше не было антагонизма между планом и стоимостью», а сейчас в частном секторе: «просто стоимостные закономерности начинают заменяться все в большей мере капиталистическими».

Эти положения неверны (механистическая трактовка закона стоимости, постольку стоимость выступает здесь как «регулятор» не в товарно-капиталистической системе. Вспомним утверждения т. Смилги о том, что в восстановительный период закон стоимости подобен пиле, обслуживающему того, к кому он повернут казенной частью?). Здесь и неверная трактовка плана пролетарской диктатуры («врастание» стоимости в социалистический план, план, вне классовой борьбы со стихией, план, лишь предвосхищающий стоимостные закономерности), здесь недооценка классовой противоречивости плана и стихии

в восстановительный период (вспомним ленинские статьи и речи в 1921—1923 гг. на тему «кто кого?»), здесь отрыв стоимости от капиталистических тенденций и т. д.

Эти ошибки логически ведут к неверной трактовке нэпа в восстановительный период, к затухиванию момента социалистического наступления, к теории «равновесия секторов» (последнее явно проглядывает в «теории этапов» в отношении восстановительного периода).

Механистичность этой концепции проявляется в том, что в ней по существу исчезает процесс трансформации закономерностей советского хозяйства. Здесь «регулятор» одного этапа резко отгорожен от «регулятора» другого. План «нового этапа» — социалистическое накопление — не вытекает из предыдущего развития. Для каждого из этих этапов своя система воспроизводства. Если сторонники теории двух регуляторов (переоценивая роль стихии) фактически отрицают единство хозяйства СССР и тем самым неизбежно и соответствующий закон его движения (построение социализма), их «регуляторы» были независимы от закона построения социализма, то у т. Козлова ошибка заключается в том, что, переоценивая роль стихии в периоды до «нового этапа», он также становится на позицию «двух самостоятельных кругов» процесса воспроизводства. Но если у первых эти круги располагались по горизонтали («отраслевое» размежевание «регуляторов»), то у т. Козлова круги расположены вертикально (по периодам).

В основе же обеих установок лежит один исходный порок — отрыв системы воспроизводства в СССР от движения к социализму, т. е. от планового построения социализма. У т. Козлова это и имеет место в отношении периодов до «нового этапа».

Характерно, что неверная трактовка роли плана в восстановительный период (недооценка его роли) часто совпадает (тому множество примеров) с переоценкой роли плана на нынешнем новом этапе, т. к. план мыслится не диалектически, не в развитии, в смене форм, в различных взаимоотношениях с «включаемой» в подчиненном виде стихией, а господство плана мыслится лишь безраздельным, как результат полного уничтожения корней стихии по формуле: «Либо «чистый» план, либо отсутствие планового регулятора». Среди оппонентов можно упрекнуть т. Вайсброда в том, что, не допуская при нэпе господства плана, он вынужден был признать, что на «новом этапе» мы имеем «синтез военного коммунизма и нэп». Это конечно не ленинская трактовка нэпа и неверное понимание нового этапа.

Следует еще отметить, что «теория этапов», отдающая восстановительный период в распоряжение закона стоимости, приводит неизбежно к затухиванию специфичности экономики СССР и может привести к теории о постепенном «перерастании» регулятора товарнокапиталистической системы в социалистический. Между тем как следует резко различать наличие остатков капитализма в условиях пролетарской диктатуры и наличие хотя бы модифицированной товарнокапиталистической системы, «врастающей в социализм». У нас происходит трансформация советской системы (как резко отличной от капиталистической) в социалистическую.

Именно этот процесс заполняет переходный от капитализма к социализму период. Но это-то и затухивается «теориями этапов».

Нужно решительно подчеркнуть резкое отличие в возникновении и развитии плана пролетарской диктатуры от возникновения и развития стоимости.

Меновые отношения стихийно возникали в недрах натурального хозяйства, сосуществуя с натуральными, отсюда и переход от простой формы стоимости к денежной — к капиталу. Совершенно иной иной характер возникновения и развития производственных отношений в переходный период. Социализм строится, а не вырастает в пределах капитализма (там создаются предпосылки для социалистической революции, заполняющей переходный период), поэтому план не может «стихийно» развиваться из стоимости. Напрасны попытки «дополнить» Маркса формулой «из стоимости рождается (это рождение из стоимости может быть только стихийным) план». А где же революционный скачок? Как быть с социалистическим характером Октябрьской революции? Как быть с теорией «самотека»? «Стихийно» рождающийся план имеет такой же смысл как «сухая вода». Все эти замечания приходится в известной мере направить и по адресу т. Слуцкиной.

Остановлюсь на утверждении т. Слуцкиной о том, что в свое время для троцкизма была характерна переоценка плана и недооценка стихии. Полагаю, что т. Слуцкина совершает здесь ошибку. Для троцкизма были характерны: бюрократические, авантюристические, основанные на администрировании планы именно в силу переоценки роли стихии в СССР, в силу оценки пути деревни, как неизбежного пути к капитализму, в силу неверия в наличие экономических корней для планирования социальных процессов в деревне (кооперативный план), в возможность смычки с середняком (как базы социалистического плана). Разве можно обвинять в переоценке роли ленинского директивного социалистического планирования течение, которое исходило из «невозможности построения социализма в СССР», из оценки нэпа, как отступления, нашего хозяйства, как госкапитализма, из отрицания кооперативного плана Ленина, из неизбежности капиталистического пути развития советской деревни. Троцкизм исходил или из единственного, а не планового регулятора в СССР (тому огромное количество примеров), либо из известной концепции двух регуляторов, отрицающей господство плана, колоссально преувеличивающей внутренние противоречия СССР.

У Преображенского как известно закон стоимости в СССР играет колоссальную роль, руководя движением частного сектора и все более усиленно действуя через внешние связи.

Троцкий предлагал даже строить наши планы на сроки, соответствующие капиталистическим циклам.

Социал-демократические черты троцкизма, выражающиеся в соответствующей оценке технико-экономической отсталости СССР, говорят о родстве троцкизма с раскритикованной Лениным концепцией Суханова и К^о (производственные отношения в СССР автоматически подгоняются к низкому уровню производительных сил) и отнюдь не свидетельствуют о «переоценке плана».

Переоценка троцкизмом роли капиталистических элементов в СССР, этих активных носителей стихийных тенденций, говорит об обратном.

Характерно определение нэпа Троцким (например на XII съезде): «нэп есть использование рабочим государством методов, приемов и учреждений капиталистического общества». Противопоставление им рыночных способов плановым (доклад на XII съезде, стр. 282 стенографич. отчета) говорит о том же.

Таким образом тов. Слуцкина подошла к вопросу о бюрократизации плана троцкизмом формально, смешав понятие «единого

планового регулятора» народнохозяйственного плана пролетарской диктатуры, основанного на союзе с основными массами деревни, с троцкистским планом, выступающим как один из элементов в борьбе с другим могущественным стихийным капиталистическим регулятором. (Разумеется партия боролась и сейчас борется с бюрократизацией плана).

Я отмечал уже родство концепции Преображенского, отрицавшего ведущую роль экономической политики (абстракция от экономической политики) с точкой зрения Базарова и Громана («генетический» подход).

В связи с этим необходимо отметить и другую ошибку т. Слуцкиной (и некоторых других оппонентов), заключающуюся в смешении «рынка» и «стихийного регулятора»; если последний противостоит плану как непримиримое начало, то первый может служить формой проявления плана в СССР. Разве через наш рынок, через снабжение, заготовки, политику цен план не регулирует (косвенно) хозяйства не-обобщественного сектора, не осуществляет руководство?

Поэтому цитаты тов. Слуцкиной из резолюции XIII конференции о плане и рынке отнюдь не говорят о стихийном регуляторе на том этапе, а лишь о значении рынка.

Противопоставление рынка плану имеет место у Троцкого (вышеприведенная ссылка), у Юровского, утверждающего, что, пока существует рынок, неизбежен стихийный регулятор.

Ряд товарищей указывал на неудовлетворительность термина «регулятор хозяйства» в применении к советской экономике, к закономерностям процесса воспроизводства в СССР. Жаль, что столько времени в прениях было уделено терминологическим изысканиям.

Я вполне присоединяюсь к тому, что термин «регулятор» невольно ассоциируется в нашем сознании с «автоматизмом» и плохо увязывается с директивной ролью плана.

Вопрос о применимости этого термина спорный; я стою за «изгнание» этого термина из теории советского хозяйства. В своей статье и в докладе я резко подчеркнул, что этот термин неудачен. Но разве у нас все термины соответствуют природе нашего хозяйства? Разве у нас не говорят «капиталовложения в государственную промышленность» или «товарность» колхозов? Между тем разве у нас в социалистическом секторе имеется «капитал», «товар» в том смысле, как употреблял эти термины Маркс в «Капитале»?

Мы знаем всю условность этой терминологии. Употребляя эти общепринятые в нашем обиходе термины, мы вкладываем в них иное содержание.

В статье и докладе я употреблял термин «регулятор», поскольку я пытался подвергнуть критике различные «теории регулятора», объекты своей критики я называл тем именем, которое они носили. Я оставался на ошибочности сведения этого «регулятора» к закону равновесия и выдвинул тезис о том, что то, что обычно называли «регулятором» (закон распределения общественного труда), не может быть отделено от закона движения хозяйства. Если можно заменить термин «регулятор» другим (только не «мотором», как предлагал т. Кан или «турбогенератором»), а более подходящим термином (может быть «законом движения»), то это следует, разумеется, лишь приветствовать.

На выступлении тов. Ратнера я должен остановиться подробнее в виду того, что в той или иной степени ряд товарищей его поддерживал.

Тов. Ратнер, несколько увлекшись, объявляет талмудизмом и ненужным делом все попытки изучения «регулятора» советской экономики, все споры, бывшие по этой линии — все это по его мнению никакого отношения к практике не имело. Совершенно ясно, что это неверно. Несомненно, что все эти построения были слишком абстрактны, что большинство из них грешило крупнейшими пороками, но ведь в них-то отражалась соответствующая экономико-политическая концепция того или иного автора.

Разве тов. Ратнер станет отрицать непосредственную теснейшую связь между концепцией «двух регуляторов» т. Преображенского и его политическими выводами? Разве та критическая работа, которая была проделана в отношении его теоретической концепции, была оторвана от критики политики троцкизма? Разве при критике троцкизма можно было обойти молчанием его теоретические корни в его оценке природы хозяйства СССР? А разве дискуссия с троцкизмом не имела отношения к политике, к социалистическому строительству? Поэтому совершенно не напрасно партия обратила такое внимание на «теорию двух регуляторов».

Далее, разве нет связи между концепцией т. Бухарина о «законе трудовых затрат» и высказанными им ошибочными установками в области политики?

Ведь связь здесь сразу бросается в глаза.

Разве проблема «закона трудовых затрат» и споры, которые развернулись здесь, оторваны от экономической политики («узкие места», «рыночный баланс», «темпы» и т. д.).

Поэтому-то партия обратила такое внимание на широкую пропаганду ошибочности этой теоретической концепции.

Далее, разве буржуазные экономисты, подвергавшие критике наши темпы, не имели своей «теории советского хозяйства», теории «регулятора»? Разве критика теоретической концепции Юровского не имеет отношения к политике?

Ведь у огромного большинства серьезных экономистов, выступавших у нас в печати, их экономико-политические взгляды опираются и увязываются с соответствующими теоретическими построениями, да иначе и быть не могло! Критика их теорий регулятора и вся работа, с этим связанная, сыграла и еще сыграет свою роль, поскольку вопрос о «регуляторе» — это вопрос об оценке производственных отношений в СССР и о путях их развития.

На связи различных теоретических концепций с политическими установками я, мне кажется, достаточно подробно останавливался в статье и докладе, причем эти положения не вызвали возражений.

Далее. Может ли быть выявлена природа цены, природа денег, природа кредита в СССР без изучения роли плана, роли стихии в наших условиях, их лимитов, их классовых тенденций и т. д.? А разве проблема природы цены не связана с политической цен, да и не только цен, а с применением всех плановых рычагов? Разве проблема природы денег не связана со всей финансовой и в частности с эмиссионной политикой? Известно с какой жадностью наши работники Госбанка хватаются за всякую статью о природе денег в СССР, но почти все авторы, пишущие о природе денег, выводят свою точку зрения в этой области из общей концепции о так называемом «регуляторе» (роль закона стоимости в СССР, роль всеобщего эквивалента, а отсюда связь с золотом, роль плана, один или два «регулятора» и природа денег в разных секторах, характер рынка и эмиссионные возможности и т. д.). То же относится и ко всем проблемам воспроизводства, распределения и т. д.

Наконец несомненно ощущается сильная потребность в работе по осознанию тех сдвигов в характере процесса воспроизводства (роль плана, характер системы его рычагов, роль и формы стихии и т. д.) на нынешнем новом этапе.

Сам т. Ратнер говорит, что «регулятор» показывает, как система существует, живет, воспроизводится. (О неверной трактовке регулятора т. Ратнером я скажу ниже). Тогда спрашивается, почему же мы должны изгнать работу над изучением «регулятора» (дело не в термине!) из нашего обихода? Или советская система воспроизводится без всяких законов («беззаконно»)? Ведь этого т. Ратнер не думает? Тогда почему не следует изучать эти законы воспроизводства?

Тов. Ратнер, возражая против тезиса о единстве «регулятора» и «закона движения», опасается, что мы забудем о движении и будем рассматривать наше хозяйство в статике... Но ведь этот упрек нужно бросить именно т. Ратнеру. Ведь он-то и отрывает «регулятор» от движения. Ведь именно он протестует против объединения регулятора и закона движения и к стати при этом предостерегает нас от методологических ошибок т. Бухарина, который, упуская из виду движение хозяйства, становился на точку зрения равновесия. По истине т. Ратнер «шел в комнату, попал в другую»...

Мы утверждали (в статье, докладе, тезисах), что отделение регулятора от закона движения означает формальную, механическую внеклассовую трактовку «регулятора» только как механизма, как внешнюю форму, оторванную (в условиях СССР) от классового содержания, от производственных отношений, от их динамики, от процесса построения социализма, что этот отрыв приводит к концепции «закона трудовых затрат». Тов. Ратнер именно разрывает эти моменты и у него регулятор превращается в некий механизм равновесия (т. Коновалов правильно заострил внимание на этой ошибке т. Ратнера и других). Тов. Ратнер не пытается в своем выступлении делать выводы из этой своей позиции, но я полагаю, что он в своих выводах значительно бы приблизился к той неверной трактовке «регулятора» в период нэпа, которая была дана тт. Вайсбродом и Розентолом.

В чем корень ошибки тов. Ратнера (и некоторых других товарищей, также считавших нужным отделять «регулятор» от закона движения)? В том, что он отделяет «воспроизводство системы от ее самоотрицания и движения». Он говорит, «регулятор показывает, как система воспроизводится, а не как она отрицается». Разве эти диалектика? Как может система существовать и одновременно не отрицаться? Ведь «закон отрицания отрицания» — основной закон диалектики. Разве возможно (в отношении любой хозяйственной системы отрывать ее воспроизводство от ее движения, трансформации, а тем более в отношении советской экономики с ее специфической динамичностью) совершать такой грубо механический разрыв? Разве это не ведет к «закону трудовых затрат», как закону равновесия? На эту тему уже достаточно говорилось и писалось...

Тов. Ратнер утверждает, что для Рикардо, который не видел движения капитализма, регулятор (стоимость) совпадал с законом движения, а для Маркса закон стоимости не был законом движения товарнокапиталистического хозяйства. Некоторые товарищи поддержали в этом вопросе т. Ратнера. Это мне кажется совершенно неверной трактовкой марксовской концепции. Разве развитие стоимости, ее форм у Маркса только логическое построение? Разве категории политической экономии у Маркса не являются отражением реальных производственных отношений? Стоимость у Маркса не застывшее поня-

тие, а развивающаяся категория, отражающая движение, развитие товарнокапиталистического общества.

В борьбе с идеалистическим уклоном в политической экономии было заострено внимание на имеющемся у некоторых экономистов (в частности у И. И. Рубина) отрыве логического развития категорий от реального исторического развития. Неужели тов. Ратнер считает, что развитие стоимости, превращение товара в деньги и денег в капитал, модификация стоимости в цене производства — это лишь «логические построения» Маркса? Неужели категория «цены производства» не отражает фактического развития стоимостных отношений или разве «цена производства» отгорожена стеной от стоимости? Разве капитал не есть особое движение развивающейся стоимости («самовозрастающая стоимость»)? Разве стоимость в своих различных модификациях не является регулятором и в условиях простого товарного хозяйства, и в условиях промышленного капитализма, и в условиях монополистического капитализма? Разве мыслимо оторвать стоимость, как регулятор, от развивающихся производственных классовых отношений?

Развитие, модификация стоимости у Маркса отражает возникновение новых отношений. Здесь регулятор неразрывно связан с движением. На основе закона стоимости совершается развитие капитализма. Этого т. Ратнер не станет отрицать? Ведь не мыслимо же оторвать от стоимости, как регулятора, превращение стоимости в капитал, модификации стоимости от модификации самого стоимостного регулятора? Разве движение «регулятора» можно отделить от движения хозяйственной системы, производственных отношений? «Регулятор» — это не есть «механизм», находящийся вне развивающейся системы производственных отношений и дающий им «толчок извне».

Известно положение Маркса, что лишь в своем конечном развитии выявляется с полнотой та или иная категория, когда развертываются заложенные в ней противоречия. Закон стоимости (в модифицированном виде) развертывается именно в развитом капиталистическом обществе.

Деньги (см. «К критике политической экономии») выступают как действительные деньги лишь в условиях буржуазного государства и т. д. В общем тов. Ратнер должен был сказать наоборот, что у Рикардо, как у «недиалектика», стоимость не была законом движения, а у Маркса стоимость неотделима от движения. Тов. Ратнер оторвал развитие форм стоимости в капитале Маркса от развития товарнокапиталистического хозяйства и дал повод к обвинению его в трактовке стоимости как закона равновесия, а не закона движения товарнокапиталистического общества. Как известно именно в этих двух грехах обвиняли И. И. Рубина. Эта ошибка т. Ратнера нашла свое отражение в его трактовке некоторых вопросов методологии изучения советского хозяйства, что мы и отметили. Тов. Ратнер очевидно не отрицает, что распределение ресурсов дохода в стране в основном происходит в согласии с хозяйственным планом пролетарской диктатуры. (О содержании этого плана мы сейчас говорить не будем). Что это распределение ресурсов регулируется, определяется в основном планом. Это, с одной стороны. С другой стороны — движение нашего хозяйства к социализму происходит не путем «врастания» в социализм, а путем планового построения социализма. Это построение социализма совершается на основе определенных законов (законы движения) и эти закономерности неотделимы от характера тех пропорций в распределении ресурсов, которые определяются планом (темп индустриализации, обобществления,

характер распределения дохода). Мы не можем отделить вопрос о субъекте регулирования от содержания этого регулирования. В закономерностях регулирования процесса воспроизводства форма и содержание неотделимы (плановая форма неотделима от процесса индустриализации и обобществления, без последних немислимо директивное планирование: так например аграризация и победа капиталистических тенденций подрывают плановое руководство и наоборот стихийно процесс обобществления и индустриализации совершаться не может). А разве можно отделить классовое содержание процесса воспроизводства в СССР от движения системы? Как можно понять пропорции воспроизводства вне процесса обобществления? Разве они не составляют лишь момента в этом движении к социализму? Если т. Ратнер с этим согласен, тогда у нас только терминологический спор (применимость термина «регулятор» к нашим условиям). Если же он не согласен, то следовательно он сделал соответствующие выводы из своей неверной предпосылки. Куда ведет такой разрыв «регулятора» и «движения» показал т. Розентул. Он не согласен, что у нас план регулировал движение к социализму потому, что «движение к социализму определяет только конечную цель, к которой мы двигаемся, но не определяет того пути и того закона, посредством которого мы движемся к этой цели».

Итак для т. Розентула не существует определенного пути (генеральная линия) для движения к социализму. Законы советской экономики у него существуют вне этого движения. Отсюда и формальная, внеклассовая трактовка проблем «расширенного воспроизводства», хозяйственных стимулов в восстановительный период. Такой же формальный подход в трактовке хозрасчета (как регулятора противопоставляемого плану) и рынка обнаружил и т. Вайсброд. Его утверждение «о капиталистически-рыночной форме организации хозяйства» (хозрасчет при нэпе) гармонирует с его выводом о новом этапе.

Еще одно замечание к выступлению т. Ратнера. Мне кажется, что он проявил в своей борьбе с «теоретизированием» чрезмерное усердие. Совершенно правильно резкое порицание тем товарищам-экономистам, которые убили огромное количество труда и времени на споры в политэкономии, не применяя своих выводов к современному империализму и советскому хозяйству. Неправильно же делать вывод (а некоторые товарищи это делают, принимая свои субъективные желания за объективную необходимость) о том, что нужно отодвинуть на задний план политэкономия (т. е. величайшее орудие пролетариата в борьбе за коммунизм).

Общесметодологическая работа в теоретической экономии, как один из этапов работы, необходима, следует помнить, какое значение придавал Ленин общесметодологическим вопросам. А ведь он был величайшим революционным практиком! Не для схоластических упражнений он усилно занимался философией, написал «Материализм и эмпириокритицизм», а для выправления революционной практики; углубленная разработка общеполитических проблем Лениным (в тесной связи с революционной практикой) нашла свое отражение в IX и XII Ленинских сборниках (системы Гегеля, Канта, Аристотеля и т. д. — все это подверглось детальному изучению). А критика «Экономики переходного периода» Бухарина — критика, в которой Ленин дал блестящий методологический философский анализ корней бухаринских ошибок.

А обращение Ильича к партийной молодежи даже в тяжелый 1920/21 г. с предложением изучать философию Плеханова.

А его использование диалектического метода в споре с т. Бухариным во время профсоюзной дискуссии?

Общеметодологическая работа в теории советского хозяйства нужна, но она конечно является не самоцелью, а составляет лишь этап в исследовании конкретного материала.

* * *

Из вышеизложенного следуют определенные выводы по вопросу о классификации наук, изучающих советское хозяйство. В виду актуальности этого вопроса, в частности в связи с организацией Планового вуза, я останавлиюсь на нем несколько подробнее. Спешу оговориться, что предлагаемая схема разумеется должна осуществляться в меру сил и возможностей.

Поскольку экономическая политика, планирование в СССР являются не только системой писанных норм, а реальным процессом (об этом подробно сказано было выше), то изучение движения советского хозяйства немислимо вне изучения экономической политики, — именно через экономическую политику, и осуществляется это перерастание советской экономики в социалистическую; таким образом «теория советского хозяйства» не может, изучая производственные отношения в СССР, одновременно не быть учением «об основных принципах, путях, методах построения социализма в СССР», а курс «основ экономической политики СССР» не может не быть наукой об этих же производственных отношениях.

Поскольку осуществление экономической политики в СССР неотделимо от народнохозяйственного плана в действии, поскольку советское хозяйство является плановым и тем самым экономической политика и план в действии неотделимы от основного производственного отношения, постольку такие дисциплины как «теория советского хозяйства» и «основы экономической политики СССР» не могут быть отделены от «общей теории планирования», сливаясь в единую дисциплину, которую следовало бы назвать примерно так: «Теория народнохозяйственного планирования в СССР».

Разумеется лишь сейчас, когда четко выявились контуры народнохозяйственного плана, когда синтетическое планирование приобрело прочную базу, когда более четко открыта кристаллизовались народнохозяйственные проблемы, лишь сейчас назрел вопрос о такой постановке этой дисциплины. Сейчас уж прямо немислимо отрывать «теорию народнохозяйственного планирования» от «теории советского хозяйства», выделяя некую «философию плана вообще» (казуистическое, формальное, внеклассовое «философствование») в отрыве от конкретного социального содержания плана, т. е. производственного отношения. Немислимо и изучение любой проблемы «теории советского хозяйства» вне изучения плановых рычагов, вне конкретного содержания плана в действии. Это привело бы к «талмудизму» и к оценке наших экономических категорий как «саморазвивающихся» вне пролетарского плана. Необходимо решительно отвергнуть установку, согласно которой курс «экономической политики в СССР» является нормативной наукой, изучающей «то, что должно быть», а «теория советского хозяйства» является теоретической («номографической») наукой, изучающей «то, что есть» (Сегаль). Порочность такого разрыва «сущего» и «должного» особенно четко вскрывается в применении к трансформирующемуся через посредство экономической политики советскому хозяйству. Мы уже подчеркивали, что такой дуализм (отрывающий нашу экономическую политику от экономических законо-

мерностей и тем самым придающий нашим законам «стихийный» характер) ведет к неправильным установкам в области экономической политики.

Вообще разделение наук в «кантианском духе» на науки «теоретические» («номографические») и «нормативные» естественно отвергается марксизмом.

Всякая наука должна служить практике. Не существует специальных наук о «должном», в отличие от наук о «сущем», т. к. «должное» есть лишь познанное «сущее». Абсурдность же этого разрыва о «должном» в применении к экономике СССР ясна и для невооруженного глаза.

Однако науки должны различаться по степени их конкретности в зависимости от их объекта: так одни науки, занимаясь более «общим», дают метод для наук, занимающихся более «частным». Большая конкретность придает той или иной науке относительно более «прикладной» характер.

Таким образом то, что неправильно называют «нормативной» наукой, по существу представляет собой относительно (по сравнению с соответствующей более «теоретической» дисциплиной) конкретную дисциплину. Так например терапия изучает лишь относительно частные случаи (в данном случае «аномалии») из тех закономерностей, которые изучают физиология и анатомия. «Экономическая политика» (как наука) в условиях буржуазных государств (строго говоря, там нет места для науки — там речь может идти об отдельных элементах науки) изучает лишь определенную часть тех экономических отношений, которые имеют место в товарнокапиталистическом обществе.

Закономерно ли рассматривать «экономическую политику» в СССР или «теорию планирования» как более конкретную, более «прикладную» дисциплину по сравнению с «теорией советского хозяйства», носящей якобы более абстрактный характер, охватывающей относительно более общие проблемы.

Из вышесказанного следует, что благодаря своеобразию экономической политики в СССР это было бы неверно. Поскольку народнохозяйственный план в наших условиях, регулируя производственный процесс, охватывает основное производственное отношение, включая в свою сферу и стихийные тенденции (в подчиненном виде), воздвигает ответственность на производительные силы, тем самым «экономическая политика, имеющая своим объектом изучение действия народнохозяйственного плана, его борьбу и развитие, не может быть как и «теория планирования» сведена к науке более конкретной, чем «теория советского хозяйства», не может быть отделена от последней.

Выше мы останавливались на вопросе о том, почему наука, изучающая производственные отношения в СССР, должна быть теоретической экономической дисциплиной. Имея своим объектом процесс построения социализма в особых условиях СССР, она изучает развитие производственных отношений в специфических условиях переходного хозяйства СССР (техничко-экономическая отсталость, капиталистическое окружение). Поэтому входя в состав политической экономии «в широком смысле», т. е. дисциплины, изучающей производственные отношения всякого общества, о которой говорили Энгельс («Анти-Дюринг») и Ленин (заметки на полях бухаринской «экономики переходного периода», опубликованные в XI Ленинском сборнике), «теория советского хозяйства» резко отграничивается от политической экономии «в узком смысле», изучающей производственные отношения товарнокапиталистического общества.

Различный объект исследования у этих последних дисциплин (категории политической экономии товарнокапиталистического общества неприменимы к условиям экономики СССР) вызывает и иные методы исследования, как например иные пределы абстракции.

Подчеркивая то, что «теория советского хозяйства» является теоретической экономической дисциплиной, следует постоянно иметь в виду необходимость соответствующей ее конкретизации, что выражается: 1) в изучении производственных отношений в условиях определенной страны, именно СССР; 2) в том, что «теория советского хозяйства», исследуя быстро трансформирующееся хозяйство, должна в значительной степени конкретизировать изучение динамики процесса воспроизводства; 3) в том, что «теория советского хозяйства», изучая единый процесс воспроизводства в СССР, в то же время не может не анализировать его своеобразия на отдельных участках, поскольку пределы абстракции при изучении советского хозяйства иные, чем при изучении товарнокапиталистического (трехсекторная модель), и наконец 4) теория советского хозяйства, изучая плановое хозяйство, не может не быть непосредственно связана с практикой социалистического строительства. Теория советского хозяйства не только не изучает «трансформационного процесса вообще» (как смену «организационных» форм), но и процесса построения социализма вообще, а процесса построения социализма в конкретных условиях СССР. Имея своим объектом специфические производственные отношения СССР, теория советского хозяйства изучает имманентные законы их движения, специфические законы обобществления хозяйства СССР. Естественно, что этот процесс обобществления немислим вне процесса индустриализации.

Процесс обобществления в СССР «осуществляется через механизм планового руководства хозяйством. На разных этапах и разных участках народного хозяйства оно принимает различные формы, меняется механизм его осуществления».

Единство процесса воспроизводства в СССР, включающего все народное хозяйство в сферу планового руководства, отнюдь не исключает различий в роли и формах плана в тех или иных звеньях единой цепи воспроизводства. Точно так же специфичность, качественная определенность советской экономики, ограничивающая ее от других хозяйственных форм, отнюдь не исключает существенных различий в пределах того же качества на различных этапах. Все эти различия и должны изучаться теорией советского хозяйства с особой тщательностью.

Таким образом для теории советского хозяйства необходим тщательный анализ на основе марксистско-ленинской методологии богатейшего конкретного материала динамики хозяйства СССР, поскольку «задачей» теории советского хозяйства является не столько выявление общих закономерностей всего переходного периода, сколько изучение трансформации экономики по этапам.

Эта концентрация внимания на особенностях того или иного этапа не должна однако приводить к отрицанию «общих закономерностей» хозяйства СССР. Разумеется, что эти «общие закономерности», или вернее общие черты, не существовали «вообще» вне модификаций, которые планирование претерпевало на различных этапах.

Отметив необходимость соответствующей конкретности для «теории народнохозяйственного планирования СССР» и опасность

чрезмерной абстрактности, злоупотребляющей поисками «общих закономерностей», следует однако не упускать из виду и другой опасности.

Та степень конкретизации, в «теории народнохозяйственного планирования», о которой шла речь, не должна затушевывать грань между этой дисциплиной и более конкретными дисциплинами по советской экономике. Это привело бы к некоторой вульгаризации теоретического изучения хозяйства СССР, к уклону в чрезмерный эмпиризм. Следует подчеркнуть, что «теория народнохозяйственного планирования» должна быть центральной теоретической дисциплиной о советском хозяйстве, являющейся основным методологическим источником для остальных дисциплин о советском хозяйстве.

Основные принципы экономической политики реально имеют место лишь в их конкретизации в отдельных отраслях хозяйства (промышленность, сельское хозяйство, обращение и т. д.). Естественно, что курс «теории народнохозяйственного планирования» должен дополняться соответствующими более конкретными дисциплинами, изучающими под тем же углом зрения отдельные отрасли хозяйства. Подобно тому, как неизбежно слияние курса «основ экономической политики», «теории советского хозяйства» и «общей теорией планирования хозяйства СССР», точно так же неизбежно и слияние соответствующих отраслевых дисциплин в «теорию планирования» той или иной отрасли (или «теорию социалистической реконструкции» этой отрасли).

Так например курс «промышленной политики СССР» неотделим от курса «экономики промышленности в СССР» и от курса «методологии планирования промышленности в СССР» — курс «аграрной политики в СССР» неотделим от «экономики сельского хозяйства в СССР», курс «финансовой политики в СССР» от «теории денег, кредита, бюджета в СССР» и от «теории финансового плана» и т. д.

Каждая экономическая проблема в СССР должна изучаться под углом зрения планирования, выявления объекта планирования, целевой установки, метода планирования.

Дисциплины, изучающие экономическую политику (и тем самым экономику) отдельных отраслей, конкретизируют те положения, те закономерности, которые устанавливает «теория советского хозяйства». Последняя изучает «народнохозяйственные проблемы», например она не изучает специально проблемы себестоимости в госпромышленности, а процесс ценообразования в СССР, хотя, естественно, что материал о ценообразовании в промышленности (как и в сельском хозяйстве, как и на транспорте, и в сфере обращения, и т. д.) ею привлекаются; она не изучает специально вопросов банковской практики, но изучает природу кредита в СССР, увязывая это изучение с изучением всей системы категорий советской экономики (процесс «обращения», цена, деньги, система воспроизводства, распределения и т. д.). Она не изучает специально вопросов организации торгового аппарата, но изучает процесс трансформации товарооборота в плановый продуктообмен в связи с трансформацией всех категорий, в связи с процессом индустриализации и обобществления. Необходимо далее провести грань между «теорией планирования» и историей советского хозяйства.

То, что «теория планирования» должна с особой тщательностью изучать процесс трансформации советской экономики, еще отнюдь не снимает необходимости в особой динамике экономики СССР». Если для первой «историческая точка зрения» вытекает из необходимости познать природу, сущность трансформирующихся

ся хозяйственных категорий СССР, то наука о «динамике народного хозяйства СССР» имеет своей важнейшей задачей систематизацию огромного исторического материала, основанную на подробном описании и детальном анализе всех основных моментов хозяйственного процесса независимо от того, в какой степени имеют те или иные моменты значение для выявления природы хозяйственного механизма СССР.

Для «теории советского хозяйства» конкретно-описательный материал является средством к познанию категорий советской экономики и их трансформации.

Курс «Динамики народного хозяйства СССР» должен включить и изучение перспектив развития хозяйства (например пятилетки, генплана). Естественно, что курс динамики промышленности, финансов, сельского хозяйства, транспорта и т. д. является дополнением для соответствующей плановой отраслевой дисциплины (о них речь шла выше). Выделение специального курса «динамики хозяйства СССР» в вузах еще очевидно преждевременно.

Признавая, что нет ни чисто «теоретических» дисциплин, ни чисто «описательных» наук (деление на чисто «идеографические» описательные и чисто «номографические» — теоретические науки), признавая, что систематизация материала требует определенных теоретических предпосылок, мы, однако, не можем «валить в одну кучу» дисциплины, носящие более абстрактный и более конкретный характер.

Удельный вес, роль собирания и систематизации фактов для разных дисциплин различна. Марксизм решительно выступил против попыток придать политической экономии более описательный характер и тем самым лишить ее возможности выявлять основные тенденции развития капитализма. Эти тенденции развития политическая экономия изучает, применяя абстрактный метод к конкретному материалу, собираемому и систематизируемому помимо нее.

Не следует «топить» «теорию народнохозяйственного планирования» в море исторических фактов, в цифровом материале, в описании организационных форм и юридических актов. Невольно вспоминается бесплодность существовавшей до сих пор дисциплины «экономическая политика СССР», преподававшейся в вузах. Эта дисциплина представляла собой «универмаг», где было изложение огромного статистического материала, декретов, постановлений, юридических актов, истории хозяйственных форм в СССР, основ политграмоты и т. д.

Следует подчеркнуть, что опасность «описательно-формально-юридического уклона» в «теории планирования» чрезвычайно актуальна. Вспомним установки ряда школ и авторов в политической экономии, обвинявших Маркса, широко пользовавшегося мощным орудием познания основных тенденций капитализма — абстрактным методом, обвинявших его в «схоластике», «абстрактности» и т. д. Вспомним роль исторической школы с ее разветвлениями, вульгарных экономистов, заменявших анализ основных тенденций капитализма описанием поверхностных явлений и составлением «экономических рецептов» для «деловых кругов». Вспомним уж к стати и тех наших «советских экономистов», которые пытались заменить теоретическое изучение природы советского хозяйства поисками «эмпирических закономерностей». Разве эти «эмпирические закономерности» имеют что-нибудь общее с анализом специфических качественных отличий социально-экономической структуры СССР, определяющих ее своеобразные «возможности» и «потребности», и разве мыслимо вскрыть эти качественные черты таким эмпирическим путем? Разве для

этого теоретического изучения советской экономики пригодна наука, занимающаяся и подбором и систематизацией исторического материала, и изучением организационных форм планирования, и рационализацией системы показателей, изучением механизма процесса воспроизводства? Это будет чем-то вроде «всеобщей» организационной науки о СССР».

Даже прения по моему докладу выявили, что этот уклон в «эмпиризм» в применении к теории советского хозяйства очень силен. Я усиленно подчеркиваю, что отнюдь не следует ослаблять, а наоборот нужно во много раз усилить изучение богатейшего интереснейшего конкретного материала по экономике СССР. «Теория планирования» не сможет развиваться без постоянного притока этого сырья (для нее), составляющего продукт этого изучения. Но весь вопрос, как и где изучать этот материал, — и это не пустой спор. Это вопрос о предмете и методе «теории народнохозяйственного планирования», т. е. это наиболее жизненный для нее вопрос. Маркс, разумеется, не возражал против систематизации огромного материала по истории капитализма, но он решительно боролся против того, чтобы политическая экономия потонула в этой систематизации, и его «Капитал» построен как известно на иных началах. Так не строилась и не строится марксистская политическая экономия. Некоторые товарищи (одни более затушеванно, другие — более открыто) выступали против самостоятельной теории советского хозяйства.

Один из выступающих дошел до того, что отрицал возможность теории советского хозяйства как самостоятельной дисциплины.

Кое-кто в прениях отрицал возможность предвидения развития закономерностей экономики СССР на законный вопрос, «как строить социализм без «теории советского хозяйства», следовал невнятный ответ насчет «учета опыта масс». Что означало бы для ленинизма, для советской власти — для социалистического планирования, если бы дело обстояло именно так. Кого повторяли эти товарищи, объективно стоящие за «самотек» в планировании. Прежде всего проф. Кондратьева с его теорией, отрицающей возможность предвидения закономерностей развития общества. Разве это марксистское понимание закономерностей общественного развития? Разве это марксизм, вскрывающий основные тенденции развития, или это плоский «эмпиризм», плывущий по поверхности явлений и вырабатывающий патентованные средства «эмпирических» закономерностей для «деловых кругов». Некоторые товарищи смешивают два момента: бесплодность, недиалектичность, схоластичность абстрактного метода, не опирающегося на богатый конкретный материал, не примененного к анализу конкретики, с одной стороны, и опасность ухода от теории, от абстрактного метода — с другой.

Совершенно правильно, что одни лишь «методологические изыскания» в отношении советской экономики вырождаются в схоластику.

Неправильно, что не следует на известном этапе исследования заниматься общими методологическими проблемами советского хозяйства, неправильно, что не следует строить «теорию народнохозяйственного планирования» как теоретическую экономическую дисциплину, изучающую категории советского хозяйства.

Одно дело — теоретическое изучение особых закономерностей планового хозяйства СССР, специфичности производственных отношений, а другое дело — проблема рационализации техники построения конкретных планов, техники их оформления, орга-

низации планового воздействия. Если в первом случае в основе изучения лежит прежде всего содержание плана (направление распределения, качественные и количественные сдвиги в распределении), то во втором случае — техника его оформления. Одно дело познать природу процесса индустриализации в СССР, а другое дело — построить совершенную систему показателей, наиболее полно отражающих этот процесс.

Совершенно бесспорно, что изучение природы плана, как особого по форме и содержанию производственного отношения, и изучение техники оформления планов, — две хотя и связанные между собой, но достаточно четко различающиеся дисциплины. Вторая из них носит более «конкретный», более «прикладной» характер. В связи с этим следует различать теорию народнохозяйственного планирования от более конкретной дисциплины «организации и систематики планирования» или «техники планирования».

Наука «об организации и систематике планирования» имеет чрезвычайно широкий объект для изучения. Сюда относятся: 1) организация системы плановых органов, организация работ по составлению и осуществлению плана, по учету, по наблюдению за ходом его выполнения; 2) детальная классификация видов планирования, определение взаимосвязи между ними; места различных видов плана в системе планирования: роль генплана, пятилетки, контрольных цифр, квартальных планов, месячных, декадных планов и т. д., роль отраслевого, территориального и синтетического планирования оперативного, текущего, перспективного планирования (эти проблемы в общей постановке входят и в предмет «теории планирования»); 3) проблема планового комплекса приемов планирования, техники построения планов; 4) система показателей при составлении планов; методы исчисления и установления коэффициентов; 5) методы наблюдения за ходом выполнения плана (наблюдение за «конъюнктурой» хозяйства в условиях СССР)¹.

Совершенно бесспорно, что относительно «прикладной» характер этой дисциплины отнюдь не исключает теоретического анализа; с другой стороны, так же бесспорно, что упомянутые проблемы не могут быть обойдены «теорией народнохозяйственного планирования», но «угол зрения» при их изучении там иной.

Курс «теории народнохозяйственного планирования», изучая производственные отношения в СССР в их своеобразии, не может углубленно изучать проблему рациональной организации аппарата плановой системы. Изучая процесс воспроизводства в СССР, он не может обойти элементы народнохозяйственного баланса, но это отнюдь не совпадает с углубленным анализом проблемы рационализации системы показателей, хотя эта проблема не может быть разрешена без определения характера процесса воспроизводства в СССР, своеобразной постановки проблемы «народнохозяйственного баланса» в СССР. Точно так же следует отличать изучение природы «конъюнктурных колебаний» и «конъюнктуры» в СССР от изучения проблемы рационализации способов улавливания «конъюнктурных колебаний», способов наблюдения за ходом выполнения планов, хотя эта работа по рационализации немислима без соответствующих методологических предпосылок, даваемых «теорией планирова-

¹ Этот курс, в котором делается ударение на приемах составления планов, на детальном изучении системы плановых органов, системы коэффициентов, желательнее проходить путем практических занятий (задачи по мотивировке конкретных планов).

ния» Естественно, что курс «организации и систематики планирования» не может не изучать своих проблем в историческом разрезе, напр. развитие методов планирования, техники построения планов, различных видов планирования. Под этим углом зрения необходим анализ плана ГОЭЛРО, отраслевых планов, бюджетов, промфинпланов, контрольных цифр, пятилетки, наметок генплана.

Эта работа не отделена китайской стеной от работы над этими же планами со стороны «теории народнохозяйственного планирования» (об этом мы скажем ниже), но «угол зрения» там иной (изучение производственных отношений, а не техники построения конкретных планов).

В дальнейшем возможно выделение специальной дисциплины — «История планирования» (пока об этом говорить еще рано), которая сосредоточит свое внимание на систематизации огромного исторического материала по планированию, займется детальным анализом проблемы методов построения планов на разных этапах. Работа созданного при нашем Институте экономических исследований так называемого «Истплана» уже выявляет известную потребность в этой дисциплине».

Конкретизацией «теории народнохозяйственного планирования» является наука «о районной организации хозяйства», являющаяся по типу близкой к экономической географии СССР (объектом которой является анализ хозяйственной структуры СССР и производительных сил в районном разрезе).

Наука о районной организации хозяйства трактует о проблеме районирования, оптимального планового размещения хозяйства в специфических условиях СССР, давая конкретный анализ проблемы организации районных комплексов.

Каков же предмет «теории народнохозяйственного планирования», этой центральной теоретической дисциплины, изучающей советское хозяйство?

Ее предметом является, как мы уже отметили, изучение производственных отношений «переходного периода» в условиях СССР, в их возникновении, развитии, завершении. Специфические условия СССР, не лишая экономику СССР характера переходной к социализму, вместе с тем создают такие своеобразия, такие модификации в экономических закономерностях, которые требуют специального изучения (техничко-экономическая отсталость, капиталистическое окружение, роль стихии в крестьянской стране, наличие рабочего государства с «бюрократическим извращением», имеющим огромное социальное значение, коренящимся в социальных причинах, влияние всех этих моментов на характер процесса воспроизводства, на проблему темпа, пропорциональности, на систему распределения и т. д.). Таким образом, эта дисциплина исследует следующие проблемы:

1. Общие методологические установки для изучения советской экономики, народнохозяйственного планирования в СССР.

2. Основной закон движения хозяйства (классовые отношения, формы борьбы плана и стихии, процесс индустриализации и обобществления, механизм процесса воспроизводства). Общий анализ производственных отношений, взаимосвязи секторов, проблема так называемого «регулятора» хозяйства (неотделимая от анализа производственных отношений в их динамике). Общая характеристика отдельных этапов развития хозяйства СССР.

3. Система рычагов планового руководства народным хозяй-

ством в их трансформации на отдельных этапах (формы проявления народнохозяйственного плана, роль рыночных форм, процесс натурализации хозяйства, плановое производство через систему управления и через посредство косвенного регулирования, процесс преодоления рыночных отношений, рычаги народнохозяйственного плана и развитие классовой борьбы, роль процесса обобществления и индустриализации в трансформации плана, финансовый и «материальный» план, проблема оптимума в сочетании рычагов планирования).

4. Природа цены, цена как форма народнохозяйственного плана, процесс ценообразования в СССР (политика цен, производственные и рыночные условия и цена, роль социальных, классовых взаимоотношений; влияние денежного обращения, финансовой системы и мирохозяйственных связей; цена как рычаг планирования и как форма проявления стихийных тенденций, ее влияние на процесс производства, на рыночные условия, на денежное обращение, на финансовую систему, на внешнеторговые связи. Анализ системы цен. Роль цены в системе плановых рычагов и трансформация цены на отдельных этапах. Цена как качественный показатель. Цена как способ учета. Методология социалистического учета и система цен. Процесс натурализации и цена.

5. Основы финансовой политики, природа денежно-кредитной и финансовой систем, как орудий планирования и как выражений стихийных тенденций. Деньги как форма проявления народнохозяйственного плана. Трансформация денег в СССР, функции денег, проблема курса и покупательной силы, роль золота, проблема инфляции. Процесс натурализации и деньги. Природа кредита в условиях СССР, его роль в процессе воспроизводства; кредит как форма распределения. Природа бюджета в СССР. Взаимосвязь системы денежного обращения, кредита и бюджета в условиях СССР. Проблема единого финансового плана.

6. Основные проблемы процесса воспроизводства в СССР. Проблема пропорциональности развития и народнохозяйственного баланса в условиях планового руководства хозяйством, проблема бескризисности развития, природа диспропорций и хозяйственных трудностей, проблема пропорциональности в связи с трансформацией классовых отношений; особенности процесса индустриализации в СССР, реконструкция производительных сил и формы индустриализации в СССР, роль электрификации, проблема планового районирования и штандорта в специфических условиях СССР, тип индустриализации, проблема темпа и особенности хозяйства СССР, проблема лимитов и резервов, проблема накопления и потребления.

7. Проблема трансформации классовых отношений и распределений. Проблема планирования социальных отношений. Плановое обобществление, его формы, взаимосвязь индустриализации и обобществления. Трансформация мелкого товарного производства в крупное социалистическое. Проблема ликвидации капиталистического сектора. Капиталистическое накопление в условиях народнохозяйственного плана пролетарской диктатуры. Проблема хозяйственных стимулов. Система распределения народного дохода в СССР. Категория «заработной платы», «прибавочной стоимости», «прибыли», «земельной ренты» и производственные отношения в СССР.

8. Борьба двух систем.

Проблема влияния мирового капитализма на хозяйство СССР. Природа хозяйственной связи СССР и мирового капитализма. Перспективы развития СССР. Проблема «догнать и перегнать».

Изучение всех этих проблем проводится, естественно, и в историческом разрезе.

Каждая категория советской экономики изучается в своем развитии по этапам. Период «от Октября до военного коммунизма», «от начала военного коммунизма до нэпа», «восстановительный период до осуществления денежной реформы», «от денежной реформы до реконструктивного периода», «начальный этап реконструктивного периода» (1926—1929 гг.), «новый этап» (1929 г. и далее), — все это означает различные этапы в развитии этих категорий. Естественно, что период «военного коммунизма» изучается лишь «постольку», «поскольку» это требуется для понимания развития категорий в условиях нэпа, в частности «нового этапа». В связи с изучением природы советского хозяйства на отдельных этапах его развития (что неотделимо от выявления роли планирования на этих этапах), необходимо уделить соответствующее внимание таким проблемам, как проблема плана «ГОЭЛРО», «контрольных цифр», «пятилетки», «генплана». Нечего добавлять, что их изучение должно вестись лишь по линии раскрытия их основного классового содержания основных установок и системы рычагов для их осуществления. Здесь не следует вдаваться в детальный анализ элементов этих планов, техники их построения.

«Теория народнохозяйственного планирования» изучает эти планы при изучении производственных отношений в СССР главным образом как способ познания последних.

Естественно, что «теория народнохозяйственного планирования», изучая природу плана и его рычагов, должна уделить внимание таким проблемам, как «генетики» и «телеологии» в планировании, цепной связи в плане, взаимосвязи и роли различных видов планирования, «количества и качества» в плане, организационных проблем плана. Критика буржуазных и мелкобуржуазных установок в планировании должна в известной степени охватить и их приемы планирования.

Так мыслятся нам контуры системы основных плановых дисциплин.

Резюме председательствующего С. Г. Струмилина.

В докладе есть целый ряд дискуссионных моментов. Но все же я нахожу, что точка зрения, которую защищал и отстаивал здесь т. Гатовский, является стройной, последовательно выдержанной и ее вполне правильно можно выставить, как ту рабочую гипотезу, от которой можно отталкиваться в наших дальнейших исследованиях. И лишь дальнейший анализ данных нашей конкретной экономики позволит внести в эту гипотезу необходимые поправки и уточнения.